

УДК 821.161.3(092)+821.111(73)

**ПОРТРЕТ ЭЗРЫ ПАУНДА В «АВТОБИОГРАФИИ ЭЛИС БИ ТОКЛАС» Г. СТАЙН
И «ПРАЗДНИКЕ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ» Э. ХЕМИНГУЭЯ**

*канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет)*

На материале «Автобиографии Элис Би Токлас» (The Autobiography of Alice B. Toklas, 1933) Г. Стайн и «Праздника, который всегда с тобой» (A Moveable Feast, 1964) Э. Хемингуэя исследуется портрет американского поэта, издателя и редактора Эзры Паунда (Ezra Pound, 1885 – 1972). Прокомментированы и проанализированы фрагменты, в которых упоминается один из основных представителей европейско-американского модернизма XX века, поэтому знакомство с биографическими фактами его жизни и понимание сути его взглядов на литературу является важным для осознания литературного процесса этого столетия в целом.

Введение. Автобиография представляет особый жанр литературы, так как позволяет достоверно пополнить сведения фактами из жизни того или иного известного человека. В этом отношении весьма показательным является опыт двух американских писателей – Гертруды Стайн¹ (Gertrude Stein, 1874 – 1946) и Эрнеста Хемингуэя (Ernest Miller Hemingway, 1899 – 1961).

Формальным повествователем всех событий, описанных в книге Г. Стайн, является уроженка Сан-Франциско Элис Би Токлас (Alice B. Toklas, 1877 – 1967), ставшая с 1907 года для Г. Стайн подругой, секретарем и компаньонкой. Под этим именем вышла «Автобиография Элис Би Токлас», в которой под пером Г. Стайн Элис, мало что понимая в живописи и литературе, превращается в персонажа, рассказывающего не столько о себе, сколько о самой Стайн. Создавая «Автобиографию Элис Би Токлас», Г. Стайн выносит автобиографичность в титул, тем не менее данное произведение не что иное как автопортрет самой писательницы, а не автобиография Элис Би Токлас. Как отмечает Михайлин, «Элис Токлас пишет не “автопортрет перед зеркалом”. Она пишет “автопортрет из Зазеркалья” – перед зеркалом же стоит Гертруда Стайн, и за спиной у нее – все прожитые в Париже годы, все люди, которые в той или иной степени становились частью ее салона, а следовательно и частью ее самой. Все картины и книги. Все интерьеры и пейзажи. Да и сама Элис Токлас, в том числе, на правах самого близкого Стайн человека, на правах ее неизменной компаньонки, секретаря, собеседницы, благодарного слушателя, “жены” и “издателя”. Оттого-то она и имеет полное право, будучи отражением отражения, повествователем в антинарративном по структуре тексте, назвать этот текст своим именем и присвоить ему титул автобиографии» [9, с. 74].

Почти тридцать лет спустя после публикации «Автобиографии» выходит книга, увидевшая свет уже после смерти Э. Хемингуэя. В ней писатель рассказывает о днях своей молодости и ностальгирует о безвозвратно ушедшем времени. Воспоминаниям об этом периоде посвящена его книга, которая включает в себя как автобиографические заметки, так и портреты литераторов-современников. Несмотря на хронологическую дистанционность, произведения Г. Стайн и Э. Хемингуэя примечательны в том плане, что в них под разными углами зрения описываются события, участниками которых были сами писатели.

Основная часть. Э. Хемингуэй в эпиграфе к «Празднику, который всегда с тобой» пишет «If you are lucky enough to have lived in Paris as a young man, then wherever you go for the rest of your life, it stays with you, for Paris is a moveable feast»² [1, p. 4]. Фактически на протяжении 1920-х годов Париж был колыбелью модернизма, где оглашались манифесты, устраивались выставки, создавались, редактировались и публиковались новые произведения. В Париже 1920 – начала 1930-х годов Э. Хемингуэй, Э. Паунд, У.К. Уильямс, У. Фолкнер, Г. Стайн, Г. Миллер занимались неслыханными в американской литературе экспериментами. Американская литература упрочила связи со многими международными художественными течениями, ее признала Европа, французские и американские писатели оказывали друг на друга взаимное влияние.

Так что же связывает Г. Стайн, Э. Хемингуэя и Э. Паунда? Гертруда Стайн постоянно проживала в Париже с 1902 года, а ее дом № 27 на улице Флерюс, на левом берегу Сены, неподалеку от Люксембургского сада, был одним из центров художественной и литературной жизни Парижа вплоть до начала Первой

¹ Г. Стайн посвящен № 7 «Иностранной литературы» за 1999 год.

² «Если тебе повезло и ты в молодости жил в Париже, то где бы ты ни был потом, он до конца дней останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой» [3, p. 191].

мировой войны и позднее. Ее кабинет был увешан полотнами Сезанна и Пикассо, а салон стал в 1920-х годах желанным пристанищем молодых экспатриантов. По мнению И.И. Гарина, «Г. Стайн была центром притяжения американской колонии в Европе – Дос Пассос, Хемингуэй, Фицджеральд, Андерсон, Каули, Крейн, Каммингс, – близкой подругой Брака и Дерена, Пикассо и Матисса, Аполлинера и Сальмона, Джоласа, Тцара и Гриза, Ивана Голля и Филипа Супо, теоретиком и идеологом нового искусства, оказавшим огромное влияние на американскую литературу. В ее личности было нечто такое, что превращало писательницу, столь далекую от масс-культуры, в предмет всеобщего поклонения» [4, с. 349].

Для молодого радикально настроенного, еще не печатавшегося писателя вроде Э. Хемингуэя Париж был единственным местом, где стоило жить. Туда он и приехал в декабре 1921 года, где он жил как европейский корреспондент канадских изданий до 1928 года. Хемингуэй снимал маленькую квартирку на четвертом этаже дома № 74 на улице кардинала Лемуана, за Пантеоном, рядом с лесопилкой. В 1924 году он переехал в квартиру побольше, рядом с Паундом, в доме № 112 на улице Нотрдам-де-Шан. Эрнест Хемингуэй познакомился с Сильвией Бич, хозяйкой английского книжного магазина «Шекспир и компания», который открылся в доме № 8 на улице Дюпонтрен, а потом переехал на улицу Одеон в дом № 12. Он часто бывал в квартире-студии Г. Стайн, которая с пренебрежением относилась к его работе в газете и постоянно убеждала, что его главное предназначение – быть писателем.

Самым интересным и самым значительным для молодого Хемингуэя стало знакомство с Э. Паундом, с которым начинающий писатель советовался о том, что писал, а также часто беседовал о литературе. Как отмечает Б. Грибанов: «Паунду очень хотелось стать литературным наставником и редактором Хемингуэя. Однако Хемингуэй умел выслушивать советы, спорил, соглашался или не соглашался, но предпочитал иметь Паунда приятелем и партнером по боксу, нежели редактором. Паунд как-то попросил Эрнеста обучить его боксу, и с тех пор они часто тренировались вместе. В письме к Андерсону Хемингуэй писал, что Эзра Паунд, боксируя, обычно выставляет вперед подбородок и двигается с элегантностью рака. В то же время Эрнест считал, что в Эзре есть спортивная жилка, если он готов рисковать своим достоинством» [5, с. 100]. Однако Э. Хемингуэй и Э. Паунд оставались друзьями до тех пор, пока политические взгляды Паунда не сделали эту дружбу далее невозможной для Хемингуэя.

В 1920 году Э. Паунд перебрался из Лондона на Монпарнас, поселившись в «павильоне» дома 70-бис на улице Нотрдам-де-Шан, откуда было рукой подать до кафе «Дом», «Куполь», «Ротонда», где встречались литераторы, и до тихого «Клозери де Лиля», где он редактировал и сокращал «Бесплодную землю» (*The Waste Land*, 1922) Т.С. Элиота, писал свои «Песни» (*Cantos*, 1917 – 1970) и оперу о Франсуа Вийоне (*Le Testament*) по одноименному произведению французского поэта. «Неуживчивый характер и ярко выраженный нонконформизм в сочетании с растущим отвращением к “духу коммерции”, – пишет И.И. Гарин, – усиливают напряженность отношений поэта с лондонским бомондом, и, в конце концов, Паунд с женой (Дороти Шекспир) переезжают в Париж. Здесь происходит знакомство поэта с Кокто, Пикабия, Равелем, Стравинским, Коплэндом. Паунд профессионально интересуется музыкой и работает над оперой *Le Testament* (на сюжет Завещания Вийона). Через друга Джойса Тристана Тцарю он вовлекается в движение дадаизма. В Париже Эзра близко сходитя с Ольгой Радж, которая вскоре станет его любовницей. В 1924 году, разойдясь с литературной элитой Парижа, Паунд с женой переезжают в Италию, обосновываясь в Рапалло. За ними следует Ольга Радж, у которой вскоре появляется на свет ребенок Паунда, Мария, а затем жена рождает ему сына, Омара» [4, с. 366].

В произведении Э. Хемингуэя Э. Паунду отведено немало страниц, в то время как в «Автобиографии» Г. Стайн упоминание его имени связано лишь с тремя событиями, которые с разной долей оттенка трактуются писателями. У Сильвии Бич Э. Хемингуэй познакомился с Э. Паундом, который незадолго до этого переехал в Париж из Лондона, объясняя, что его оттуда выгнали туманы. Упоминание об Э. Паунде сосредотачивается в «Автобиографии» лишь в последней главе «После войны 1919 – 1932» (*After the war*). Так, о знакомстве с Э. Паундом Г. Стайн ограничивается лишь скухими фактами: «*Sylvia Beach from time to time brought groups of people to the house, groups of young writers and some older women with them. It was at that time that Ezra Pound came, no that was brought about in another way...*»³ [2, p. 169].

Кажется, что для писательницы не суть важно, кто и когда привел для знакомства Э. Паунда, так как она не заинтересовалась им. Это подтверждается тем, что через несколько страниц она пишет о встрече с Э. Паундом, как если бы она была для него первой: «*We met Ezra Pound at Grace Lounsbury's house, he came home to dinner with us and he stayed and he talked about Japanese prints among other things. Gertrude Stein liked*

³ «Время от времени Сильвия Бич приводила в дом целую кучу народу, всяких молодых писателей и с ними женщин постарше. Именно тогда и появился Эзра Паунд, хотя нет, его, кажется, привел кто-то другой...» [10, с. 269].

him but not find him amusing. She said he was a village, but if you were not, not. Ezra also talked about T.S. Eliot. It was the first time any one had talked about T.S. at the house. Pretty soon everybody talked about T.S.»⁴ [2, p. 176].

Такое определение Г. Стайн Э. Паунду стало ходовым, так А.М. Зверев озаглавливает свое исследование «Деревенский умник. К портрету Эзры Паунда», где отмечает, что «встречавшаяся с Паундом в Париже и сразу невзлюбившая его Гертруда Стайн лишней раз подтвердила свойственную ей злую наблюдательность, когда в автобиографии назвала его «деревенским умником, который объяснит все на свете тем, кто из деревни никогда не выезжал». Стайн не первая пыталась уличить Паунда в довольно поверхностном знании французской литературы, равно как античности и романского средневековья – упреки не слишком основательные, когда их адресуют не филологу-специалисту, а поэту. Впрочем, именно Стайн распознала определяющую черту его личности – и опять-таки вполне американскую: Паунд просто не допускал мысли, что могут оставаться недоступные и непосильные для него области культуры. Поразительная уверенность как в собственном даровании, так и в своем значении, соединяясь с рано обозначившейся нетерпимостью к чужому мнению и вкусу, оставалась у него непоколебимой до конца дней» [6, с. 223].

Еще несколько строк в «Автобиографии» посвящены Э. Паунду. Так, Г. Стайн упоминает о бытовом инциденте, послужившем причиной размолвки с писателем: «But to come back to Ezra. Ezra did come back and he came back with the editor of The Dial. This time it was worse than Japanese prints, it was much more violent. In his surprise at the violence Ezra fell out of Gertrude Stein's favorite little armchair, the one I have since tapes tried with Picasso designs, and Gertrude Stein was furious. Finally Ezra and the editor of The Dial lest, nobody too well pleased. Gertrude Stein did not want to see Ezra again. Ezra did not quite see why. He met Gertrude Stein one day near the Luxembourg gardens and said, but I do want to come to see you. I am so sorry, answered Gertrude Stein, but Miss Toklas has a bad tooth and beside we are busy picking wild flowers. All of which was literally true, like all of Gertrude Stein's literature, but it upset Ezra, and we never saw him again»⁵ [2, p. 176]. Раз поломка стула, хотя и любимого, смогла внести разлад в отношения Гертруды и Эзры, то, скорее всего, это было лишь предлогом.

Рассказ Э. Хемингуэя о размолвке с Э. Паундом более подробен, чем у Г. Стайн. Так, в главе «Une generation Perdue»⁶ писатель отмечает: «She was angry at Ezra Pound because he had sat down too quickly on a small, fragile and, doubtless, uncomfortable chair, that it is quite possible he had been given on purpose, and had either cracked or broken it. That he was a great poet and a gentle and generous man and could have accommodated himself in a normal-size chair was not considered. The reasons for her dislike of Ezra, skilfully and maliciously put, were invented years later»⁷ [1, p. 11]. Объясняя подобное отношение к Э. Паунду и другим, Э. Хемингуэй пишет: «in the three or four years that we were good friends I cannot remember Gertrude Stein ever speaking well of any writer who had not written favorably about her work or done something to advance her career...»⁸ [1, p. 11].

Относительно Э. Паунда и Г. Стайн М. Каули в книге «Дом со многими окнами» отмечает: «Эзра Паунд представлял собой фигуру, не внушающую столь сильного страха почтения, ибо он был известен скорее не собственными своими творениями, а той поддержкой, которую он оказывал другим писателям, и теми презрительными отзывами, которые он адресовал несведущей толпе. Его роль сводилась скорее к

⁴ «В доме у Грейс Лаундсбери мы познакомились с Эзрой Паундом, отсюда он пошел к нам ужинать и среди прочего говорил о японских гравюрах. Гертруде Стайн он в общем, скорее, понравился, но занятным ей не показался. Она сказала, что он деревенский мыслитель, и это просто замечательно, если ты и сам из той же деревни, а если не из деревни, ув. Еще Эзра говорил о Т.С. Элиоте. Он был первым, кто заговорил у нас о Т.С. Элиоте. А вскоре все вокруг только и говорили что о Ти Эс...» [10, с. 176].

⁵ «Но вернемся к Эзре. Эзра вернулся, и на сей раз он вернулся с редактором «Дайл». На сей раз все вышло даже хуже, чем с японскими картинками, как-то все было очень резко. Эзра, испугавшись этой резкости, упал с любимого маленького кресла Гертруды Стайн, того самого, что я вышла по рисунку Пикассо, и Гертруда Стайн пришла в ярость. Наконец Эзра ушел и увел с собой редактора «Дайл», и все это вышло не слишком приятно. Гертруда Стайн не желала больше Эзру видеть. А Эзра не понимал с чего это вдруг. Однажды он повстречал Гертруду Стайн возле Люксембургского сада и сказал, но, послушайте, я хочу зайти к вам в гости. Очень жаль, ответила Гертруда Стайн, но у мисс Токлас болит зуб, а, кроме того, мы сейчас страшно заняты, мы цветочки собираем. И то и другое была чистая правда, как и все, что выходит из-под пера Гертруды Стайн, но Эзра почему-то расстроился, и больше мы его не видели» [10, с. 179].

⁶ «Потерянное поколение» (франц.).

⁷ «Она рассердилась на Эзру Паунда за то, что он слишком поспешно сел на маленький, хрупкий и, наверно, довольно неудобный стул (возможно, даже нарочно ему поставленный) и тот не то треснул, не то рассыпался. А то, что он был большой поэт, мягкий и благородный человек и, несомненно, сумел бы усидеть на обыкновенном стуле, во внимание принято не было. Причины ее неприязни к Эзре, излагавшиеся с великим и злобным искусством, были придуманы много лет спустя» [11, с. 21].

⁸ «За три-четыре года дружбы, нашей дружбы, я не помню, чтобы Гертруда Стайн хоть раз хорошо отзывалась о каком-нибудь писателе, кроме тех, кто хвалил ее произведения или сделал что-нибудь полезное для ее карьеры...» [11, с. 205].

учительским функциям, в двойном смысле этого понятия. Он воспитывал публику тем, что бранил ее: он постепенно представлял ей новые имена, достойные восхищения, предлагал новое прочтение классиков, новые и все более строгие критерии оценки поэтического творчества. Сама мисс Стайн редко брала на себя труд вдаваться в объяснения, хотя ей было приятно иметь у своих ног молодых людей и ей доводилось испытывать чувство зависти к тому влиянию, которое Паунд оказывал на писательскую молодежь. Влияние было широким и заслуженным. Он не только давал им добрые советы, но нередко предпринимал попытки организовать их в группы или направления, каждое со своим манифестом и со своим журналом...» [8, с. 126].

Э. Паунду и его жене Дороти Э. Хемингуэй посвящает целую главу «Эзра Паунд и его 'Бель Эспри'» (*Ezra Pound and his Bel Esprit*), в которой дает ему исчерпывающую характеристику, подробно останавливаясь на его отношении к людям, в особенности, талантливым, а также стремлении всегда прийти им на помощь. Так, в начале главы Э. Хемингуэй пишет: «Ezra Pound was always a good friend and he was always doing things for people. The studio where he lived with his wife Dorothy on the rue Notre-Dames-Champs was as poor as Gertrude Stein's studio was rich»⁹ [1, p. 37]. Писатель детально описывает паундовскую студию, рассказывает о картинах и скульптурах, ограничиваясь критическим замечанием: «He liked the works of his friends, which is beautiful as loyalty but can be disastrous as judgment. Ezra was kinder and more Christian about people than I was. His own writing, when he would hit it right, was so perfect, and he was so sincere in his mistakes and so enamoured of his errors, and so kind to people that I always thought of him as a sort of saint. He was also irascible but so perhaps have been many saints»¹⁰ [1, p. 38].

Кроме того, Э. Хемингуэй подчеркивает отзывчивость и бескорыстность Э. Паунда: «Ezra was the most generous writer I have ever known and the most disinterested. He helped poets, painters, sculptors and prose writers that he believed in and he would help anyone whether he believed in them or not if they were in trouble. He worried about everyone and in the time when I first knew him he was most worried about T.S. Eliot who, Ezra told me, had to work in a bank in London and so had insufficient time and bad hours to function as a poet»¹¹ [1, p. 39]. В целях поддержки талантливых людей Э. Паунд при содействии богатой американки и меценатки Натали Барни учредил «Бель Эспри». Цель данного предприятия состояла в том, чтобы отдавать часть своего заработка в фонд Элиота. Однако после выхода «Бесплодной земли» необходимость в «Бель Эспри» отпала, так как какая-то дама согласилась финансировать журнал Элиота «Критерий» (*The Criterion*).

Как отмечает И.И. Гарин, «Э. Паунд известен не только как крупный поэт, но и как литературный меценат, не жалевший ни собственного времени, ни средств на поддержку начинающих мастеров слова... У него был кружок друзей, в который входили некоторые из крупнейших поэтов нашего времени. Они тянулись к Паунду, чувствуя в нем беззаветную преданность литературе. Он прилагал большие усилия к тому, чтобы добиться признания для произведений своих друзей, в то время как большинство из его собственных работ оставались неопубликованными; он добивался денежных авансов для других, в то время как легко мог использовать их в своих нуждах. На протяжении всей своей литературной деятельности он зарабатывал не больше чем поденный рабочий в Англии» [4, с. 399].

В главе «Иван Шипмен в кафе 'Лила'» (*Evan Shipman at the Lilas*) Э. Хемингуэй немного с разочарованием рассказывает о своей беседе с Э. Паундом:

«I remember asking Ezra once when we had walked home from playing tennis out on the boulevard Arago, and he had asked me into his studio for a drink, what he really thought about Dostoevsky.

'To tell you the truth, hem,' Ezra said, 'I've never read the Rooshians.'

'Keep to the French,' Ezra said. 'you've plenty to learn there'.

'I know it,' I said. 'I've plenty to learn everywhere'»¹² [1, p. 45].

⁹ «Эзра Паунд всегда был хорошим другом и всегда оказывал кому-то услуги. Его студия на Нотр-Дам-де Шан, в которой он жил со своей женой Дороти, была так же бедна, как богата была студия Гертруды Стайн» [4, с. 62 – 63].

¹⁰ «Ему нравились работы его друзей, что доказывало глубину его дружбы и самым губительным образом отражалось на его вкусе. ...Эзра относился к людям с большей добротой и милосердием, чем я. Его собственные произведения, если они ему удавались, были так хороши, а в своих заблуждениях он был так искренен и так упоен своими ошибками, и так добр к людям, что я всегда считал его своего рода святым. Он был, правда, крайне раздражителен, но ведь многие святые, наверно, были такими же» [11, с. 63].

¹¹ «Эзра был самый отзывчивый из писателей, каких я знал, и, пожалуй, самый бескорыстный. Он помогал художникам, скульпторам и прозаикам, в которых верил, и готов был помочь всякому, кто попал в беду, независимо от того, верил он в него или нет. Он беспокоился обо всех, а когда я с ним познакомился, он больше всего беспокоился о Т.С. Элиоте, который, как сообщил мне Эзра, вынужден был служить в каком-то лондонском банке и потому мог работать как поэт лишь крайне ограниченное время и в самые неподходящие часы» [11, с. 65].

¹² «Помню, как однажды, когда мы возвращались с бульвара Араго после тенниса, и Эзра предложил зайти к нему выпить, я спросил, какого он мнения о Достоевском.

– Говоря по правде, Хем, – сказал Эзра, – я не читал ни одного из этих русских.

– Держитесь французом, – сказал Эзра. – У них вы можете многому научиться.

– Знаю, – сказал я. – Я могу многому научиться у кого угодно» [11, с. 76].

В разговоре с Э. Хемингуэем Э. Паунд всегда был предельно честным, однако своим честным ответом о незнакомстве с творчеством русских писателей, в особенности, с творчеством Достоевского, немало разочаровал своего преданного ученика, так как Э. Паунд был человеком, которого он любил, на чье мнение как критика он всегда полагался.

Однако свое мнение о многих писателях и поэтах Э. Хемингуэй сформировал отчасти под влиянием Э. Паунда. Так, глава «Форд Мэдокс Форд и ученик дьявола» (*Ford Madox Ford and the devil's disciple*) является прямым доказательством этого: «I was trying to remember what Ezra Pound had told me about Ford, that I must never be rude to him, that I must remember that he only lied when he was very tired, that he was really a good writer and that he had been through very bad domestic troubles. I tried hard to think of these things but the heavy, wheezing, ignoble presence of Ford himself, only touching-distance away, made it difficult. But I tried»¹³ [1, p. 29].

В главе «Человек, отмеченный печатью смерти» (*The man who was marked for death*) Э. Хемингуэй пишет о своем знакомстве с поэтом Э. Уолшем: «The afternoon I met Ernest Walsh, the poet, in Ezra's studio, he was with two girls in long mink coats and there was a long, shiny, hired car from Coleridge's outside in the street with a uniformed chauffeur. The girls were blondes and they had crossed on the same ship with Walsh. The ship had arrived the day before and he had brought them with him to visit Ezra»¹⁴ [1, p. 41]. Во время следующей встречи Э. Уолш и Э. Хемингуэй довольно долго говорили о Дж. Джойсе и Э. Паунде, отметив его талант и человеческие качества:

'Ezra's a great, great poet,' Walsh said, looking at me with his own dark poet's eyes.

'Yes,' I said. 'And a fine man'.

'Noble,' Walsh said. 'Truly noble.' We ate and drank in silence as a tribute to Ezra's nobility. I missed Ezra and wished he were there. He could not afford *marennnes* either»¹⁵ [1, p. 43].

В главе «Носитель порока» (*An agent of evil*) Э. Хемингуэй пишет, что Э. Паунд попросил его позаботиться о поэте Даннинге (Ральф Чивер Даннинг). Перед отъездом в Рапалло он дал Эрнесту баночку с опиумом, пока она не понадобится Даннингу, писавшему терцины, за что его и полюбил Э. Паунд, находивший высокие достоинства в его поэзии: «It was a sacred charge coming from Ezra and I only hoped I could live up to it and determine the state of a true emergency»¹⁶ [1, p. 48]. Э. Паунд хотел оказать Даннингу добрую услугу, как оказывал многим другим людям, так как считал его хорошим поэтом.

Заключение. Портрет Э. Паунда по-разному дается в произведениях Г. Стайн и Э. Хемингуэя. Так, в «Автобиографии Элис Би Токлас» упоминание имени Э. Паунда носит лишь фрагментарный характер и связано лишь с мнимой причиной размолвки Г. Стайн и американского поэта. Человек, не представляющий интереса для маститой писательницы, испытывающей тягу к поучению молодых писателей, вряд ли мог стать «героем» ее произведения, так как за плечами Э. Паунда маячил внушительный список из достаточно удачных ранних поэтических сборников, критических статей и манифестов. В то время как Э. Хемингуэй, будучи на момент знакомства с Э. Паундом начинающим писателем, испытывающим потребность в достойном наставнике, обладающем не только блестящим дарованием, но и превосходными человеческими качествами, с почтением и преданностью отзываясь о своем учителе, правда, не всегда соглашается с мнением своего учителя и всегда критически высказывается по тому или иному поводу, но все время подчеркивает его роль и участие в своей творческой биографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hemingway, E. A Moveable Feast / E. Hemingway. – Moscow: JUPITER-INTER, 2004. – 148 p.

¹³ «Я старался вспомнить, что Эзра Паунд говорил мне о Форде, – о том, что я не должен ему грубить и должен помнить, что Форд лжет только тогда, когда очень устал, что он действительно хороший писатель и у него были очень большие семейные неприятности. Я изо всех сил старался вспомнить обо всем этом, но это было очень трудно, потому что рядом со мной сидел сам Форд – грузный, сопящий, неприятный человек. Все-таки я старался» [11, с. 51].

¹⁴ «В тот вечер, когда я познакомился у Эзры с поэтом Эрнестом Уолшем, с ним были две девушки в длинных норковых манти, а перед домом стоял большой сверкающий лимузин отеля «Кларидж» с шофером в ливрее. Девушки были блондинки, и они приехали на одном пароходе с Уолшем. Пароход прибыл накануне, и Уолш привел их к Эзре» [11, с. 70].

¹⁵ «– Эзра – великий, великий поэт, – сказал Уолш, глядя на меня своими темными глазами поэта.

– Да, – сказал я. – И прекрасный человек.

– Благородный, – сказал Уолш. – Поистине благородный.

Некоторое время мы ели и пили молча, отдавая дань благородству Эзры.

Я вдруг почувствовал, что соскучился по Эзре, и пожалел, что его здесь нет. Ему, как и мне, *marennnes* были не по карману» [4, с. 72].

¹⁶ «Всякое поручение Эзры было для меня священным, и я мог только надеяться, что окажусь достойным его доверия и сумею сообразить, когда именно наступит крайняя необходимость» [11, с. 81 – 82].

2. Stein, G. *Autobiography of Alice B. Toklas* / G. Stein. – Toronto: Random House, Inc., 1993. – 224 p.
3. Атлас литературы. 500 лет литературы: от Данте до Солженицына / пер. Е.В. Нетесовой. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 352 с.
4. Гарин, И.И. Век Джойса / И.И. Гарин. – М: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 848 с
5. Грибанов, Б.Т. Хемингуэй / Б.Т. Грибанов. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 448 с.
6. Зверев, А. Деревенский умник. К портрету Эзры Паунда / А. Зверев // Иностранная литература. – 1991. – № 2. – С. 208 – 229.
7. Зверев, А. Эзра Паунд – литературная теория, поэзия, судьба / А. Зверев // Вопросы литературы. – 1970. – № 6. – С. 123 – 147.
8. Каули, М. Дом со многими окнами / М. Каули. – М.: Прогресс, 1973. – 326 с.
9. Михайлин, В. Автопортрет Алисы в Зазеркалье / В. Михайлин // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 274 – 295.
10. Стайн, Г. Автобиография Элис Би Токлас: роман / Г. Стайн; пер. с англ. В. Михайлина. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 352 с.
11. Хемингуэй, Э. Избранное / Э. Хемингуэй; сост. и вступ. ст. И.В. Шабловская; пер. с англ. М. Брука, Л. Петрова, Ф. Розенталя; Н. Волжиной, Е. Калашниковой / Э. Хемингуэй. – Минск: Высш. шк., 1988. – 464 с.

Поступила 03.12.2012

**EZRA POUND'S PORTRAIT IN "AUTOBIOGRAPHY OF ALICE B. TOKLAS" BY G. STEIN
AND "A MOVEABLE FEAST" BY E. HEMINGWAY**

N. NESTSER

On the basis of "The Autobiography of Alice B. Toklas" (1933) by G. Stein and "A Moveable Feast" (1964) by E. Hemingway the portrait of the American poet, publisher and editor Ezra Pound is investigated (1885 – 1972). Fragments in which one of the main representatives of the European and American modernism of the XXth century is mentioned are commented and analysed, therefore acquaintance with the biographic facts of his life and understanding of the essence of his views of literature is important for understanding of the literary process of this century as a whole.